

У КОЛІ СУЧАСНИХ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИХ СТРАТЕГІЙ

Владислава Багнюк

ИНВЕРСИЯ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

У статті розглянуто повість Ф. М. Достоевського «Село Степанчиково та його мешканці», а саме – проаналізовано роль інверсії у формуванні суб'єктного плану повісті, спираючись на нечисленні праці вчених щодо цього твору. Також враховано точки зору дослідників відносно поетики творів Ф. М. Достоевського. У статті увага зосереджена на ролі та місці життєписів у повісті «Село Степанчиково та його мешканці». Також проаналізовано роль інверсії у розкритті авторської ідеї в повісті.

Ключові слова: інверсія, повість, точка зору, Ф. М. Достоевський.

Художественный мир Федора Михайловича Достоевского – это мир мысли и напряженных исканий. Материальные и социальные обстоятельства влияют на психическое, нравственное и идейное состояние человека, как признался герой романа «Преступление и наказание», «душу и ум теснят». И в то же время внешние неблагоприятные факторы толкают героев Достоевского на путь сопротивления, порождают у них стремление всесторонне осмыслить не только противоречия современной им эпохи, но и итоги и перспективы всей истории человечества, пробуждают их разум и совесть. Отсюда – значимость субъектного плана повествования в произведениях этого художника, того, что Борис Ошерович Корман определил как «соотнесенность всех отрывков текста, образующих данное произведение, с субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания (содержательно-субъектная организация)» [4, 202].

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» обозначена автором как «записки неизвестного». Это, на наш взгляд, подчеркивает важность «чужой» по отношению к автору точки зрения на события. Это очевидно также из того, что кроме повествователя в повести есть несколько рассказчиков, которые по-своему интерпретируют определенные события, и в результате картина происходящего формируется из нескольких голосов и точек зрения. Как известно, эту сторону произведений Ф. М. Достоевского подробно изучил Михаил Михайлович Бахтин. Но сейчас я бы хотела сослаться не на «Проблемы поэтики Достоевского», а на другую его работу, написанную в 1934-1935 годах, – «Слово в романе». В ней он, в частности, остановился на «двояком» характере подачи Достоевским «острого и напряженного взаимодействия с чужим словом». «Во-первых, – писал Бахтин, – в речах персонажей дан глубокий и незавершенный конфликт с чужим словом в жизненном плане («слово другого обо мне»), в жизненно этическом (суд другого, признание и непризнание другим) и, наконец, в плане идеологическом (мировоззрения героев как незавершенный и незавершенный диалог)». Тем самым ученый подчеркнул важность того, что ряд персонажей, и главный герой, в первую очередь, входят в произведения Достоевского с уже готовыми, сформированными ими самими идеями, и каждый из них стремится доказать и реализовать собственную идею, что ведет к конфликтным отношениям между ними. «Высказывания героев Достоевского, – писал Бахтин, – арена безысходной борьбы с чужим словом во всех сферах жизни и идеологического творчества. Поэтому эти высказывания могут служить прекрасными образцами для разнообразнейших форм передачи и обрамления чужого слова».

Но в своей статье я буду опираться на вторую особенность взаимодействия с чужим словом, отмеченную ученым. «Во-вторых, – писал М. М. Бахтин, – и произведения (романы) в их целом, как высказывания их автора, являются такими же безысходными, внутренне незавершенными диалогами между героями (как воплощенными точками зрения) и между самим автором и героями; слово героя до конца не преодолевается и остается свободным и открытым (как и слово самого автора). Испытания героев и их слова, сюжетно законченные, внутренне остаются в романах Достоевского незавершенными и неразрешенными» [1, 161]. Таким образом, ученый обратил внимание на то, что, как и в отношениях автора с его героями, так и в отношениях между этими героями проявляется не только принципиальная неслиянность реплик в диалоге (первая из отмеченных ученым особенность высказываний), но и их **неполнота и ограниченность**. У Достоевского нет ни одного участника диалога, которому была бы дана окончательная истина, ею не владеет и он сам. Поэтому он не может проявлять риторичность, а, напротив, находится в не менее напряженном, чем его герои, поиске истины.

Мы проследили роль этой особенности слова у Достоевского, остановившись на такой стороне композиции повести «Село Степанчиково и его обитатели», как инверсия. В таком аспекте это произведение не рассматривалось исследователями, которые преимущественным образом останавливались на характеристике образной системы в нем (в первую очередь, образа Фомы Фомича Опискина), отсылках к произведениям русской и мировой классики (Пушкина, Гоголя, Тургенева, Диккенса, Сервантеса, Мольера) – Л. П. Гроссман, жанровых особенностей и, в частности, места комического (Н. П. Утехин), сюжетной роли ситуаций скандала (Е. М. Сахарова и И. В. Семибратова), рецепции Достоевским сентиментальной и романтической культуры (Г. К. Щенников).

Об инверсии чаще всего говорят в случаях анализа поэтического текста, имея в виду выразительность нарушения порядка слов в поэтической фразе. То есть, главным образом, о ней, уже начиная с античности, судят как о фигуре (модификации), превращающей «простую», «естественную» речь в украшенную [3, 437]. В то же время, как писал Арнольд Алексеевич Слюсарь, поскольку «словесный образ воспроизводит действительность как процесс, то есть во времени», при изучении композиции и прозаического произведения немалую роль, наряду с выявлением в нем длительности и соотношения «компонентов содержания и формы» имеет их последовательность. «Последовательность, – писал ученый, – раскрывается в линейности и цикличности отображения, однократности и многократности, развитии и инверсии» [5, 159]. Инверсия выполняет разнообразные функции в произведении: с ее помощью автор может сократить объем повествования (сообщив, чем завершилась ситуация, затем вернуться к ее описанию с самого ее начала, но уже сжато), заинтриговать читателя, «выхватив» эпизод из середины события, а затем вернуться к его началу. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» повествователь нередко как бы «забегает вперед», предупреждая о характере дальнейшего развития событий. К примеру, перечислив унижения, которые претерпел от генерала Крахоткина Фома Фомич, он замечает: «Зато и наверстал же он своё». Благодаря этому замечанию, читатель может догадаться, что, возможно, не стоит проникаться сочувствием к Опискину, ведь далее он себя покажет не с лучшей стороны. При этом Сергей Александрович вовсе не навязывает свое мнение читателю, напротив, вводя в повествование Фому Опискина, Сергей говорит: «Признаюсь, я с некоторою торжественностью возвещаю об этом новом лице. Оно, бесспорно, одно из главнейших лиц моего рассказа. Насколько оно

имеет право на внимание читателя – объяснять не стану: такой вопрос приличнее и возможнее разрешить самому читателю». Тем самым он привлекает читателя к совместному анализу этого характера и предоставляет ему возможность составить собственное мнение об этой фигуре. Как и в других случаях инверсии, он подчеркивает неполноту, относительность и принципиальную открытость каждой из высказанных персонажами точек зрения. В качестве иллюстрации остановлюсь на месте и роли жизнеописаний в этой повести.

«Село Степанчиково и его обитатели» начинается жизнеописанием дяди повествователя, Егора Ильича Ростанева. Читателю сообщается о том, что тот «пробыл в гусарах» «чуть ли не с шестнадцати лет», но затем вышел в отставку и поселился в своем имении, селе Степанчиково. Состояние его было около шестисот душ. На момент начала повествования ему было около сорока лет. Он был женат и «любил жену без памяти». Но она умерла, оставив ему двух детей, Илюшу и Сашеньку. В качестве главной черты характера Егора Ильича повествователь называет доброту и непритязательность. Он был так добр, пишет Сергей Александрович, «что в иной раз готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим».

Затем повествователь переходит к жизнеописанию Фомы Опискина, появление которого в доме дяди превратило его в Ноев ковчег. Это второе жизнеописание более обстоятельно и подробно. Возможно, это связано с тем, что для Сергея Александровича именно Фома является одним из главнейших лиц его рассказа. В этой части своей истории он опирается на многочисленные справки, которые, живя в Петербурге и не будучи знаком с Опискиным, он получил из разнообразных источников. Он сообщает о Фоме: «когда-то и где-то служил, где-то пострадал и уж, разумеется, добавляет с иронией, «за правду». Главный мотив этого жизнеописания – процесс превращения раба в тирана. Сообщив о том, что в конечном итоге Фома подчинил своему «бесчеловечно-деспотическому влиянию» всех в доме дяди, Сергей Александрович, вкратце, остановившись на обрисовке других лиц своей истории (приживалки при генеральше девицы Перепелицыной, самой генеральши, матери полковника), вновь возвращается к прерванному рассказу о Ростаневе и пишет, что тот заменил ему отца, воспитал его на свой счет, и что он привязан к дяде «всей душой». Расположение рядом этих двух жизнеописаний помогает понять несходство главных участников той истории, которую Сергей Александрович доверяет вниманию читателей. Дядя кроток, а Фома Опискин амбициозен. Дядя готов поделиться последним, а Фома – урвать для себя то, что ему и не положено. Дядя открыт и естественен, а Фома постоянно меняет маски. Важно обратить внимание на расположение этих жизнеописаний в тексте произведения. Учитывая, что сам полковник вводится в повествование в третьей главе, а Фома Фомич впервые появляется лишь в седьмой, можно предположить, что их жизнеописания необходимы для формирования у читателя определенного отношения к ним. Хотя Сергей Александрович и не владеет полной информацией, однако читатель склонен доверять его оценкам, и таким образом, в значительной мере смотрит на персонажей под углом зрения повествователя. Точка зрения повествователя затем подтверждается оценками Ростанева и Опискина другими участниками этой истории, а также описанием их поступков. То, что дядюшка появляется почти сразу после своего жизнеописания, можно объяснить тем, что представление повествователя о его характере сформировано их длительными отношениями, то есть, у Сергея Александровича есть основания судить о Ростаневе как о добром, отзывчивом, прямом человеке, а у читателя нет оснований сомневаться в правильности этой оценки. Итак, читатель подготовлен к встрече с полковником Ростаневым

и его мнение о нем будет углубляться, уточняться, но принципиальным образом останется тем же, что и после знакомства с его жизнеописанием.

С Фомой Фомичем Опискиным ситуация сложнее. До встречи с ним в доме дяди Сергей Александрович его не знал. Сначала он опирается на чужие мнения. Но это мнения людей, которые, скорее всего, тоже мало знали Фому. Повествователь приводит эти мнения и предлагает собственные выводы относительно характера Опискина, но пока не может быть уверен в их объективности. В дальнейшем он уточняет их путем общения с теми, кто непосредственно сталкивается с Фомой (господин Бахчеев, камердинер полковника Гаврила, сам полковник). В значительной мере все эти оценки не меняют представления о Фоме, однако у повествователя появляется если не романтическое, то «романическое» желание мотивировать поведение Опискина тем, что переживали многие возвышенные натуры: его разочарованием в жизни, утратой идеала. «Во-первых, – делится он своей мыслью с дядюшкой, – он был шутком: это его огорчило, сразило, оскорбило его идеал; и вот вышла натура озлобленная, болезненная, мстящая, так сказать, всему человечеству... Но если примирить его с человеком, если возратить ему самому себе...» [2, 334]. В дальнейшем эти иллюзии Сергея Александровича развеет сам Фома, который, как уже было отмечено, появляется впервые в седьмой главе первой части (всего в этой части 12 глав), то есть ближе к ее концу. В результате читатель оказывается перед задачей выбрать для себя наиболее точную оценку этой натуры. Однако, как следует подчеркнуть, в общем плане эта оценка уже подготовлена жизнеописанием Фомы Фомича. В дальнейшем она лишь уточнялась и подтверждалась новыми фактами.

Жизнеописание Татьяны Ивановны, напротив, дается после введения ее в повествование: она появляется в четвертой главе первой части, а ее жизнеописание (в изложении Мизинчикова) содержится в десятой. Инверсия в данном случае объясняется желанием автора заинтриговать своего читателя. Повествователь ничего не знает о ней, кроме того, что, скорее всего, это та самая женщина, на которой хотят женить дядю. Поэтому ее поведение кажется ему странным. Он называет ее «престранной дамой», считает, что одета она, хотя «пышно», но не по годам «юношесвенно». В ее лице он замечает признаки того, что она нездорова («лицо... худое, бледное и высохшее»), однако на лице он замечает отражение ее «одушевленности». Главное в ней – эксцентричность. Однако по какой-то непонятной Сергею Александровичу причине все в доме как будто не обращали на это внимание. Но он тут же добавляет и нечто позитивное о ней. Оказывается, ему понравились глаза Татьяны Ивановны: «голубые и кроткие ... взгляд их был так простодушен, так весел и добр, что как-то особенно приятно было встречаться с ним» [2, 341]. Однако он замечает: «Об этой Татьяне Ивановне, одной из настоящих “героинь” моего рассказа, я скажу после подробнее: биография ее примечательна». Тем самым он усиливает интерес к ней читателя, однако оставляет того пока в полном неведении относительно этой героини своей истории, не давая никаких «подсказок». По словам одного прежнего сослуживца дяди, от которого Сергей Александрович впервые услышал о ней, Татьяна Ивановна – богатая «престранная девица, перезрелая и почти совсем полоумная» [2, 313], по словам Егора Ильича Ростанева, она – человек, испытавший несчастья, фантазмагорический и болезненный [2, 335], Настенька после того, как Сергей Александрович назвал Татьяну Ивановну «дурой», возражает и говорит, что у той «благородное сердце» и она «несчастлива» [2, 381]. Все эти разноречия преодолеваются ее жизнеописанием.

Все отмеченные случаи инверсии в повести (а их в ней значительно больше) направлены, главным образом, на то, чтобы укрепить читателя в понимании того, что человек – настолько сложное существо, что однозначные его оценки поверхностны. В общих чертах автор достигает того, что читателю становится близким его понимание природы поведения каждого из персонажей. Однако одновременно, как это и свойственно любому художественному произведению, читатель повести «Село Степанчиково и его обитатели» ищет правильные ответы вместе с повествователем, заблуждается, угадывает и тем самым формирует собственное представление.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Слово в романе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php (дата обращения 24.08.18)
2. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. *Ф. М. Достоевский. Повести.* Москва : Советская Россия, 1986. С. 157 – 355.
3. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель / Под общ.ред. Е. А. Цургановой и А. Е. Махова. Москва : Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. 512 с.
4. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. 552 с.
5. Слюсарь А. А. О некоторых методологических проблемах изучения композиции литературного произведения. *Методологические проблемы истории и теории литературы.* Вильнюс, 1978. С. 157 – 161.